КАМИЛА ЛЕВИТАН ✦ ЕКАТЕРИНА СВЕТ

Развод с предателем.

Ты объявил меня шпионкой, чтобы скрыть свою измену!

Екатерина Свет

Развод с предателем. Ты объявил меня шпионкой, чтобы скрыть свою измену!

«Автор»
2026

Свет Е.

Развод с предателем. Ты объявил меня шпионкой, чтобы скрыть свою измену! / Е. Свет — «Автор», 2026

Муж знал, что я почти не слышу. И превратил мою слабость в идеальное оружие.Пока Дмитрий изображал заботливого супруга, он подложил мне секретные чертежи, обвинил в государственной измене и ушёл к молодой любовнице в форме.Меня лишили работы, свободы и права говорить за себя. Все поверили ему.Но в старых документах скрывается след настоящего предателя. Чтобы раскрыть заговор, мне придётся довериться опасному Марку, который привык командовать и хранит собственные секреты.Я научилась читать чужую ложь по губам. Теперь заставлю мужа услышать правду. Даже если ради этого придётся разрушить его карьеру и начать жизнь заново. И вернуть себе право на любовь.

© Свет Е., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Конец ознакомительного фрагмента. 13

Камила Левитан, Екатерина Свет
Развод с предателем. Ты объявил меня шпионкой, чтобы скрыть свою измену!

Глава 1

Мир начался с вибрации. Не со звука — я давно не слышу звуков так, как они есть на самом деле, только искаженные гулом и шипением статического электричества в голове. Сначала это было толчкообразное сотрясение матраса под моим весом, затем — резкая боль в запястьях. Холодный пластик наручников впился в кожу, стягивая мои руки за спиной так туго, что пальцы начало покалывать; я попыталась согнуть их, но стяжки только глубже врезались в запястья.

Я открыла глаза. Потолок моей спальни плыл передо мной мутным пятном. В ушах стоял звон, похожий на тот, что бывает после взрыва петарды прямо у виска. Кто-то грубо тряс меня за плечо, и каждый толчок отдавался в плечах. Между ними я чувствовала ритмичные удары собственного сердца, отдающиеся в черепе. Тук-тук. Тук-тук. Слишком быстро. Слишком громко для сна.

Попытка оттолкнуть «нападение» закончилась тем, что я дернулась всем телом, теряя равновесие. Кровать скрипнула — этот звук я услышала отчетливо, потому что он был низким, вибрирующим басом, который проходит через кости, а не уши. Но следующего удара не последовало. Вместо этого мир раскололся на две части: серую массу в дверном проеме и лицо мужчины, склонившегося надо мной.

Это был Дмитрий. Мой муж. Полковник в резерве, человек, чья карьера была построена на безупречной репутации. Сейчас он выглядел отвратительно. Его халат был накинут наспех, одна пуговица оторвана, волосы растрепаны. Он прижимал телефон к уху, его губы шевелились, создавая гримасу скорби, но глаза... Глаза были сухими, стеклянными и абсолютно холодными.

Он говорил, широко открывая рот, и поглядывал на дверь. Сквозь щель били вспышки камер; в коридоре уже толпились соседи и журналисты.

— Господи, как же так... моя жена... Она всегда была такой тихой, такой аккуратной... Как она могла?...

Из его речи до меня доходили гласные, остальное приходилось угадывать по губам. Я попыталась спросить: «Что происходит?», но горло перехватило спазмом страха. Из груди вырвался лишь сдавленный шепот, который утонул в нарастающем гуле снаружи. Дмитрий даже не повернулся ко мне. Он говорил поверх моего шепота, даже не делая паузы. Мне оставалось смотреть ему в профиль: так я почти ничего не разбирала. Годами я скрывала глухоту, чтобы не мешать его карьере. Теперь он стоял рядом с моей кроватью и объяснял всем, что случилось, — всем, кроме меня.

В спальню ворвался чужой запах. Кофе, табак и дешевый парфюм. Мужчина в штатском, следователь ФСБ или внутренней безопасности — я не разобрала бейдж, потому что очки остались на тумбочке, недосягаемой из-за скованных рук. Он ткнул пальцем в папку, вынутую из-под подушки. Там, где я обычно прятала свои любимые романы или запасные ключи.

— Протокол досмотра, — быстро затараторил он, тыча ручкой в бланк. Слова сливались в кашу. Я видела чертежи. Секретные оборонные схемы. Они лежали здесь, среди моих вещей. Это невозможно. Это абсурд.

Дмитрий вдруг «вспыхнул». Гнев исказил его черты. Он выхватил ручку у следователя, подбежал к столу и, перекрывая собой пространство между нами, поставил подпись в графе «Присутствовал при обнаружении».

— Она в шоке! Вы видите ее состояние? — рявкнул он, и наконец посмотрел на меня. В этом взгляде не было любви. Был расчет. — Я беру ответственность на себя. Просто дайте ей адвоката!

Для посторонних это выглядело как защита любящего мужа, готового взять удар на себя ради спасения чести семьи. Для меня это был капкан. Своей подписью он подтвердил факт обнаружения улики у меня. Я смотрела на подпись и пыталась вдохнуть поглубже, чтобы возразить. В графе уже стояло его имя; мой муж лично засвидетельствовал то, чего я не делала.

Перед выходом мне надели очки с тумбочки. Нас вывели из квартиры. Коридор был заполнен людьми. Соседи, курьеры, кто-то из охраны подъезда. Лица превращались в размытые пятна, когда вспышки фотоаппаратов начинали стробировать. Ослепительный белый свет бил по сетчатке, вызывая тошноту.

— Предательница родины! — кричал кто-то справа. Я не слышала слов, но читала их по движению губ и агрессивной жестикуляции.

Красное пятно ударило мне в щеку. Помидор. Кислый сок потек по шее, смешиваясь с потом и слезами. Жжение кожи было единственным реальным ощущением в этом сюрреалистическом кошмаре.

Я пыталась найти глазами Дмитрия. Искала опору. Хотя бы один взгляд, полный ужаса или сострадания. И нашла его.

Он стоял чуть в стороне, прислонившись к стене. Рядом с ним была Лиза. Младший офицер связи, его коллега. Девушка с идеальной осанкой и наглыми глазами. Дмитрий обнимал её за плечи, шепча слова утешения, целуя в макушку. Он гладил ткань её формы, успокаивая. А когда наши взгляды встретились, его глаза скользнули по мне, как по пустому месту. Как по ненужному предмету мебели, который мешает проходу. В этом взгляде не было ни вины, ни боли. Только облегчение. От того, что жертва принесена успешно.

Я ещё ждала, что он отнимет руку от Лизиного плеча. Что подойдёт. Дмитрий отвернулся, и я послушно пошла за конвойным. Сок всё ещё жёг щёку; вытереть его скованными руками не получалось. Теперь он мог говорить обо мне что угодно — я даже перебить его не могла.

При оформлении стяжки наконец разрезали. Я растёрла запястья, но полосы от пластика ещё горели. Камера СИЗО пахла дезинфекцией и старым, въевшимся потом. Стены бетонные, шершавые. На них не было окон. Свет лился из матовой лампы под потолком, монотонный и безжалостный.

Мой слуховой аппарат сняли при обыске. «Вещественное доказательство», — сказал конвойный, забрав маленькую бежевую штучку, которая была моим связующим звеном с миром. Теперь чужие голоса почти исчезли в оглушающем звоне. В библиотеке, где я работала реставратором, можно было поднять голову от листа и увидеть коллегу. Здесь перед глазами была бетонная стена, и я не знала, услышу ли, если кто-нибудь подойдёт к двери.

Я потеряла ориентацию во времени. Сколько прошло минут? Часов? Мир схлопнулся до размеров этой коробки. Паника подступила к горлу комом. Я начала стучать костяшками пальцев в железную дверь. Удар. Удар. Удар. Вибрация уходила в стену, возвращаясь обратно, как эхо из преисподней. Никто не слышал. Или никто не хотел слышать. Я упала на койку, обхватив голову руками, чувствуя, как тело становится чужим, тяжелым и бесполезным.

Дверь открылась. Вошел молодой адвокат по назначению. Его костюм сидел мешковато, галстук съехал набок. Он избегал смотреть мне в глаза, шаркая подошвами по полу. Он говорил быстро, глядя в свои бумаги, словно боялся, что если замолчит, то рухнет вместе со мной.

Я видела его рот. Видела, как шевелятся губы. Но звуки не доходили. Внутренний гул заглушал всё остальное. Я просила повторить, показывая жестами на ухо, на горло. Адвокат

раздраженно вздохнул и опять опустил голову к бумагам. Я потянулась к его рукаву: пусть хотя бы смотрит на меня, когда говорит. Он отстранился.

Я достала блокнот, который остался в кармане куртки (его почему-то не изъяли), и дрожащей рукой написала крупными буквами: «Я не брала эти файлы. Проверьте окно».

Он прочитал. Усмехнулся. Порвал листок пополам.

— Следствие установило, что доступ был только у вас двоих, Анна Сергеевна, — произнес он четко, медленно, артикулируя каждое слово, зная, что я читаю по губам. Это был акт милости, или скорее садизма. — А ваш муж дал показания. Он сказал, что вы часто ходите во сне. Что вы открываете окна, будучи лунатиком. Вы ходите во сне, Анна? Или притворяетесь?

Лунатизм. Я смотрела на половинки своего листка. Моё «проверьте окно» превратилось в ещё одно свидетельство болезни: будто я сама открывала его и прятала чертежи, а потом всё забыла. Дмитрий подготовился. Он создал легенду о моей болезни задолго до ареста. Он знал, что моя прогрессирующая тугоухость делает меня уязвимой для таких обвинений. Если я не слышу шагов ночью, значит, я не слышу и его.

Я пыталась вспомнить, когда он успел. Смотрела на обрывки листка и перебирала вчерашний вечер: до кофе, после кофе, перед сном. Подробности возвращались по одной, и от каждой становилось хуже.

Запах сигаретного дыма утром. Дмитрий не курил дома. Никогда. А в спальне пахло гарью.

Вчерашний вечер. Он «случайно» пролил кофе на мои рабочие документы, требуя срочно переписать их начисто. Пока я паниковала над испорченными бумагами, он сидел за компьютером с флешкой. Тогда я не придала этому значения. Теперь перед глазами стояла папка из-под моей подушки: ему хватило времени подготовить всё.

И самое главное — звук. Не шум улицы, не ветер. Тихий, металлический щелчок замка на окне. Щелчок выдернул меня из сна; сначала я приняла его за скрип старой рамы. Потом увидела Дмитрия. Я уже не спала. Я была парализована страхом. Я лежала с открытыми глазами, видя его силуэт у окна, но не смогла пошевелиться, не смогла закричать, потому что он держал в руке ножницы для бумаг, и я знала: если я заговорю, он сделает это физически. Он использовал мою тишину не как алиби, а как инструмент пытки.

Я посмотрела на адвоката. Впервые за утро я не просто смотрела на его губы. Я произнесла вслух. Голос сорвался, стал хриплым, но слова были четкими. Я заставляла себя выговаривать окончания, не глотать их от страха. Он больше не мог сослаться на то, что не разобрал слов.

— Он сделал это специально. Он использовал мою глухоту как алиби. Я не спала. Я была парализована страхом, пока он подкладывал улики.

Глава 2

Адвокат побледнел. Он отшатнулся, как будто получил пощечину. Я вцепилась в этот взгляд: может быть, хоть теперь он проверит мои слова. Дело было не в лунатизме. Это было хладнокровное убийство репутации. Убийство жены ради прикрытия его преступлений.

Он ушел, хлопнув дверью. Звук захлопывающегося металла отдался в стенах камеры. Я всё ещё смотрела на дверь: адвокат ушёл, не сказав, станет ли проверять мои слова. Дмитрий сейчас, наверное, заказывал ужин в ресторане. Привычная картинка — меню в его руке, официант рядом — мучила сильнее бетонных стен. Он мог спокойно выбирать еду. Я не могла добиться, чтобы меня дослушали.

Я провела пальцем по холодным стенам, находя неровности штукатурки. Каждый бугорок, каждая трещина становилась частью карты моего падения. Я шептала себе, и вибрация голоса отдавалась в челюсти, в скулах, в самой сути моего существа:

«Запомни каждый звук этого падения. Однажды я заставлю тебя услышать их все».

На пороге камеры появился конвойный. Он не стал заходить внутрь. Просто бросил на металлический столик у входа конверт.

— От мужа. Передача разрешена, — буркнул он и исчез.

Я подошла к столику. Внутри не было еды. Не было денег на адвоката. Не было писем с извинениями.

Фотография. Наш свадебный альбом. Разворот, где мы стоим на фоне моря. Я в белом платье, он в форме. Мы улыбаемся.

Лица вырезаны. Аккуратно, по контуру, острыми ножницами.

Остался только мой силуэт: тело без головы, без глаз, которые могли бы увидеть предательство, без рта, которым можно было бы закричать. Белое платье стояло рядом с его формой — изолированное, молчаливое.

Подпись на обороте, написанная его ровным, канцелярским почерком:

«Ты всегда была слишком тихой, чтобы быть виноватой. Теперь ты будешь молчать вечно».

Я смяла фотографию в кулак. Бумага хрустнула, ломаясь под давлением пальцев. Запястья снова заныли. Я стиснула фотографию ещё крепче: лучше эта боль, чем смотреть на дырку там, где вчера было моё улыбающееся лицо.

Я подняла глаза на лампу. Свет мерцал. На кулаке остался помидорный сок: я размазала его, когда вытирала щеку. Разжала пальцы и расправила фотографию на столе. Вырезанные лица не вернуть. Зато подпись уцелела — каждую букву я могла показать тому, кто согласится смотреть.

Я осталась стоять у стола, прижимая ладонью расправленный снимок. Пусть он думает, что я выбросила его записку. Я её сохраню.

Фотографию я убрала во внутренний карман куртки: пусть лежит там, как улика, которую никто не описал при обыске. До суда оставались сутки, и я просидела их за столом, потому что койка по ночам возвращала меня к вырезанным лицам. Когда конвойный наконец постучал в дверь, я уже стояла застёгнутая и готовая к тому, что меня снова никто не услышит.

Зал суда пах старым деревом, дезинфекцией и чьим-то страхом. Для меня это был ад, потому что здесь каждый шорох бумаги звучал как выстрел, а эхо шагов превращалось в гул турбин реактивного самолета. Мой слуховой аппарат, изъятый при аресте, перед заседанием вернули вместе с вещами. Теперь он лежал в кармане пальто: я боялась включить его и получить вместо слов очередной визг. Я слышала мир глухим, искаженным шепотом, где слова тонули в собственном эхе.

Судья, мужчина с лицом мокрого пса, смотрел на меня поверх очков. Его губы двигались, но до моего мозга долетали лишь обрывки:

— ...объясните... состояние здоровья... симуляция?

Я открыла рот. Горло перехватило спазмом. Стресс бил по барабанным перепонкам, вызывая звон, от которого темнело в глазах.

— Я не... я не притворяюсь, — выдавила я. Голос вышел хриплым, чужим.

И тут раздался его голос. Теплый, бархатный, полный ложной заботы. Дмитрий.

— Ваша честь, прошу учесть состояние моей жены. Она истерична. Мы много раз обсуждали её нестабильность. Ей нужен покой, а не публичные выступления. Это разрушает семью.

Он посмотрел на меня с такой жалостью, что мне захотелось выцарапать ему глаза. Он играл роль любящего мужа, который устал от капризной супруги. Я вдавила ногти в ладони. Пока собиралась с голосом, судья уже смотрел на Дмитрия. Муж отвечал за меня, а мои попытки перебить его только подтверждали эту тщательно разыгранную «нестабильность».

Адвокат Дмитрия, молодой паренек с холодными глазами, поднялся. На экран проектора лег документ.

— Ваша честь, вот заявление об отказе от добровольного медицинского страхования. Подписано Анной Сергеевной месяц назад, за день до ареста.

Мое сердце пропустило удар. Я знала этот почерк. Слегка наклоненные буквы, характерная петля в «д». Но рука дрожала. Я помнила ту ночь. Помнила вкус горьких таблеток, которые Дмитрий дал мне «для сна», когда я плакала после работы. Помнила темноту, которая не отпускала до утра. Клочки ночи до сих пор возвращались, когда я меньше всего этого ждала. Он использовал мою беспомощность, чтобы украсть даже право на лечение. У него лежал готовый подписанный лист. Я же пыталась вспомнить, как держала ручку, и не могла: после таблеток помнила только тяжесть в веках.

В зале повисла тишина. И вдруг рядом со мной, в первом ряду, кто-то наклонился к моему плечу. Лиза. Новая любовь Дмитрия, младший офицер связи. Она пахла дорогими духами и свежестью. Я повернула к ней лицо; она придвинулась так, чтобы я видела её рот.

— Ты всегда была слишком тихой, чтобы быть честной, Анна, — произнесла она почти беззвучно, растягивая слова для меня.

Она договорила и отодвинулась, будто боялась испачкать обо мне рукав. Я смотрела на её рот и слишком поздно придумала ответ. Он застрял в горле. Лиза уже сидела прямо, с аккуратно сложенными руками, как будто ничего мне не сказала.

Судья стукнул молотком. Звук отскочил от стен, ударив в грудь.

— Решение принято. Лишение лицензии реставратора госдокументов. Условный срок с испытательным периодом два года.

После оглашения я подошла к Дмитрию. Условный срок не возвращал мне ничего: по брачному договору квартира оставалась ему. Мне нужно было хотя бы несколько дней, чтобы найти, куда уйти.

— Оставьте мне квартиру. Хотя бы временно. Мне некуда идти.

Дмитрий улыбнулся. Широко, демонстративно. Он подошел ближе, кладя руку мне на плечо, словно успокаивал дикого зверя.

— Конечно, дорогая. По-джентльменски. Но есть условие. Ты освобождаешь жилплощадь в течение семидесяти двух часов. Права уже переведены на Лизу. Нам нужно место для новой семьи.

Его улыбка не доходила до глаз. В них был расчет. Семьдесят два часа. Я успела представить нашу кухню, свою полку в ванной, стопку книг у кровати. Всё это надо было разобрать на вещи и унести, пока они готовили место для новой семьи.

На выходе из здания суда нас ждали они. Журналисты. Вспышки камер били по сетчатке, создавая белую пустоту. Гул толпы сливался в один монструозный аккорд. Кто-то крикнул прямо в лицо:

— Анна! Вы шпионка? Вы продавали чертежи мужу?

Я споткнулась о высокий каблук. Мир качнулся. Тело отреагировало паническим ужасом, мышцы свело судорогой. Камеры продолжали снимать. Мое унижение становилось контентом.

Дмитрий поймал меня под локоть, помогая встать. Его хватка была железной. Он наклонился к моему уху, и я почувствовала тепло его дыхания, хотя сама речь пришла ко мне искаженной волной.

— Если ты сейчас заплачешь, завтра твое лицо будет на всех обложках с подписью «раскаявшаяся предательница». Держись. Ты же хочешь сохранить остатки достоинства?

Я уже втянула воздух, готовясь разрыдаться, и задержала его. Он держал меня под локоть перед камерами, почти нежно. На снимках никто не увидит, как больно его пальцы сжимают руку. Я закусила внутреннюю сторону щеки до крови. Вкус металла во рту стал единственной правдой этого дня.

Квартира встречала меня пустотой. Коробки стояли посреди гостиной, как надгробия. Воздух здесь был мертвым, лишенным запаха еды, цветов, жизни. Только запах пыльного картона и старого клея.

Телефон на кухонном столе завибрировал. На экране появилось сообщение банка.

— Уважаемая клиентка, ваши счета заморожены в рамках исполнительного производства. Доступ к средствам закрыт.

Я положила телефон экраном вниз. Даже деньги, которые я годами откладывала на лечение, стали недоступны. У меня не было денег. Не было работы. Не было дома. Я стояла посреди комнаты, держа в руках старую папку с архивными фотографиями — единственное, что запретили трогать приставам. Папка была тяжелой, угловатой. Она давила на пальцы, напоминая о том, кем я была раньше.

Тишина квартиры начала давить на уши сильнее, чем шум улицы. Она гудела в голове, наполняя пустоту звуками прошлого. Смех Дмитрия. Шорох Лизиного платья. Щелчок затвора камеры.

Мне нужна была помощь. Любой ценой.

Я вышла в подъезд. Серые стены, облупившаяся краска, запах сырости. Позвонила в дверь соседки сверху, Валентины Петровны. Раньше она всегда угощала меня печеньем и жаловалась на скрип полов.

Дверь приоткрылась. Цепочка звякнула. Глаза пожилой женщины скользнули по мне. Сначала в ней мелькнуло узнавание, потом — тень сомнения, и наконец — ледяной страх.

Она не открыла дверь полностью.

— Дима предупредил нас, — сказала она тихо, почти одними губами. — Он сказал, что ты опасна. Что ты можешь навредить себе и другим. Психически неуравновешенная.

Она захлопнула дверь. Щелчок замка прозвучал как выстрел в упор.

Я осталась стоять на лестничной клетке. За дверью зашаркали тапочки. Валентина Петровна уходила на кухню; раньше она позвала бы меня за собой, поставила чайник. Я держала ладонь у кнопки звонка, но второй раз нажать не смогла. Дмитрий успел сюда раньше меня — даже не приходя.

Вернувшись в квартиру, я села на пол среди коробок. Холодный ламинат впивался в колени через ткань брюк. Из кармана пальто я достала старый плеер. Кнопочный, тяжелый, с потертостями. Нажала кнопку Play. Надежда была смехотворной: заглушить внутренний вой музыкой. Но динамики хрипнули. Тишина. Батарейки сели. Или, может быть, мой слух окончательно сдался.

В этот момент в дверь раздался стук.

Не вежливый. Не требовательный. Три коротких удара. Кто бы ни стоял снаружи, мне нечего было ему предложить. Я ждала, прижав ладонь к полу, и не открывала.

Стук повторился. Громче. Настойчивее.

Я не двинулась с места. Смотрела на дверь, держа бесполезный плеер на коленях. Пусть стучит. Хотя бы здесь никто не заставит меня сразу встать и впустить его.

Глава 3

Мир стал стеклянным куполом, за которым кто-то непрерывно орал, но до меня долетали лишь искаженные, булькающие обрывки. Тишина была не покоем. Она была вакуумом, который высасывал воздух из легких, оставляя после себя звенящую пустоту и холодный пот на спине. Утром я всё-таки вышла из квартиры. После вчерашнего стука больше никто не пришёл. Я стояла у ларька с шаурмой и горячим кофе, прижимая к груди сумку, внутри которой лежал последний кусок моего достоинства — паспорт и триста рублей мелочью. Ветер бился о пластик витрины, гудел в проводах, но я слышала только гул крови в собственных висках.

Я открыла рот, чтобы заказать американо. Губы шевельнулись, мышцы лица свело от напряжения, но звук вышел сдавленным, чужим. Кассирша — женщина с тяжелым подбородком и глазами, полными раздражения, — даже не подняла головы от телефона.

— Чего? — её голос пробился ко мне через слой ваты, глухой и далёкий.

Я повторила, стараясь вытолкнуть слова сильнее, горче. «Кофе». Но услышала только собственное хриплое дыхание.

Женщина вздохнула, показательно закатила глаза и отвернулась к кассе, не дождавшись внятного ответа. Её пальцы щелкнули по клавише кассового аппарата. Звук был похож на выстрел.

Унижение ударило под дых больнее, чем арест. В тюрьме я хотя бы знала правила игры. Здесь же я стала невидимой помехой, мусором на тротуаре. Я положила деньги на стойку и указала на надпись «Американо» в меню. Только тогда она подставила стаканчик под кофемашину. Забрав сдачу, я схватила кофе; пальцы обожгло у края картонной манжеты. Кофе пах гарью и дешевым сахаром. Я сделала глоток, и горечь осела на языке, смешиваясь со слезами, которые я отказывалась проливать. Мир вокруг тек: машины сливались в размытые пятна света, люди превращались в тени. Голова закружилась. Стресс и голод требовали своей доли.

На перекрестке толпа гнала меня вперед, как река гонит упавшее дерево. Свет фар резал глаза, становился белым пламенем. Ноги вдруг стали ватными, земля ушла из-под подошв. Я присела, пытаясь удержаться на ногах, и потянулась к бордюру, но пальцы соскользнули по льду. Стаканчик покатился в сторону. Удар был мягким, предательским. Асфальт встретил мою щеку ледяной равнодушностью.

Вокруг закипела жизнь, но для меня она замерла в замедленной съемке. Ботинки. Десятки ботинок. Черные, коричневые, спортивные. Они мелькали над моим лицом, как гигантские жуки. Кто-то наступил на ручку моей сумки, чуть не вывихнув плечо. Другой обошел меня, бурча что-то себе под нос. Никто не остановился. Никто не протянул руки. Я лежала в грязи, чувствуя, как холод пробирается сквозь тонкую ткань куртки, и ждала, что хотя бы одна пара ботинок остановится. Поднять голову было страшно: опять встретить взгляд, который скользнет мимо.

Тень упала на меня. Не случайная тень прохожего, а плотная, тяжелая масса, заслонившая свет фонарей. Рука схватила меня за запястье. Хватка была стальной, без права на возражение. Меня рванули вверх так резко, что суставы заломило.

— Пусти! — крикнула я, вырываясь. Мой собственный голос показался мне искаженным, будто я говорила из глубины колодца.

Мужчина не отпускал сразу. Он ждал, пока я перестану дергаться, оценивая ситуацию с холодным интересом хирурга, рассматривающего опухоль. Только когда я замерла, тяжело дыша, он ослабил хватку, но не выпустил руку полностью.

— Вы не слышите шагов за спиной, — произнес он. Голос доходил обрывками. Мужчина стоял лицом ко мне, и по губам я разобрала то, что пропустила.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.